

Размышления над новой книгой

©2000 г.

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

О СУДЬБАХ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич - профессор, президент Профессиональной социологической ассоциации.

При первом чтении книги возникает ощущение грандиозности представленного труда как попытки обосновать очень важную мысль: "социология в России существует с конца прошлого века"¹. Судьба данной науки исключительно сложна, и в этой сложности судьбы, по-видимому, и состоит специфика социологии в России. В этом ее отличие от социологии США, Великобритании, Франции, других европейских стран. В самой книге эта мысль не сформулирована с достаточной отчетливостью. Это лишь соображение, *ex post factum*, которое могло бы быть учтено, если бы предмет, обозначенный в названии книги, подлежал сравнительному исследованию. Первоначальный подход к такому сравнению намечен В.А. Ядовым, который опирается на работы А. Гоулднера, М. Алброу и Ж. Коэнена-Хуттера, отметивших значение соответствующих культурных контекстов как для понимания становления национальных социологий, так и для последующих интеграционных процессов в мировом социологическом сообществе (с. 9—10). В целом создается впечатление: основная задача труда состояла в том, чтобы вписать развитие российской социологии в общемировой процесс социологического знания. Эта задача редакцией и авторами выполнена успешно. Действительно, структура книги в значительной мере соответствует стандартам мировой и европейской социологической литературы.

Если говорить о вещественной (или, как выражается В.А. Ядов, о "фактуальной") стороне дела, то она состоит в следующем: 40 человек написали 30 глав на тему об основных направлениях российской социологии. В орбиту анализа или просто библиографических упоминаний вошло около 2000 имен. Получилось незаменимое пособие и для исследователя, и для преподавателя: книга дает обстоятельный материал по истории и положению дел в российской социологии. Использование его облегчается тем, что подавляющее большинство материала излагается на основе единого плана, предлагающего авторам осветить дореволюционное положение дел в соответствующей области социологического знания, положение в 20-е и 30-е годы, в отрезок времени от хрущевской оттепели до конца советского периода и, наконец, в постсоветское время, т.е. в 90-е годы. Такой подход представляется достаточно информативным. Из заданного шаблона выбиваются лишь те главы, которые не укладываются в исторические рамки и связаны с новой проблематикой. Это относится в первую очередь к главам о теоретических проблемах социологии культуры (А.Ю. Согомонов, гл. 17), о социологии общественных движений (Е.А. Здравомыслова, гл. 27), об экологической социологии (О.Н. Яницкий, гл. 25), в какой-то мере к главе о социологии пола и гендерных отношениях (Т.А. Gurko, гл. 8).

Обратим внимание на состав авторов. Подавляющее большинство глав написаны специалистами высшей квалификации. Г.М. Андреева, И.В. Рывкина, Н.М. Рима-

¹ Социология в России (Под ред. В.А. Ядова). М., 1998. 695 с.

шевская, И.В. Бестужев-Лада, Я.И. Гишинский, Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, В.Ж. Келле, Л.Н. Коган, В.Д. Патрушев, Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Шубкин, О.Н. Яницкий, безусловно, знают предмет, о котором пишут, поскольку они принимали непосредственное участие в создании или воссоздании соответствующих областей знания. Представители более молодой генерации - В.Н. Амелин, Т.А. Гурко, А.А. Дегтярев, О.Д. Захарова, А.А. Клецин, А.И. Кравченко, В.А. Мансуров, О.М. Маслова, Е.С. Петренко, В.В. Семенова, А.Ю. Согомонов и другие - успели зарекомендовать себя в качестве авторов учебников, монографий, статей. Всем им в совокупности удалось доказать: российская социологическая мысль не стоит в стороне от столбовой дороги европейской цивилизации, и в то же время она не привнесена в эту страну извне, здесь ее дом и постоянное место пребывания.

Три критических замечания

Рассматривая исследуемый предмет не с точки зрения "фактуальной", а скорее с содержательной, я должен высказать три замечания, касающихся наиболее важных упущений, а следовательно, обозначающих перспективы дальнейшего совершенствования книги.

Первое замечание касается общего плана издания. Многообразие конкретных сюжетов объединено в шесть основных блоков:

1. Становление и развитие научной дисциплины (три главы);
2. Проблемы социальной дифференциации (шесть глав);
3. Социальные проблемы экономики, производства, образования и науки (пять глав);
4. Духовная жизнь, культура, личность (пять глав);
5. Исследования населения: демографические процессы, семья, быт, досуг и условия жизни (шесть глав);
6. Социально-политические процессы, общественное мнение, социальный контроль (пять глав).

Главный недостаток этого плана состоит в том, что в книге не оказалось самостоятельного пространства для обсуждения вопросов социологической теории. Возможно, что невысказанная предпосылка для такого решения состоит в том, что развитие теории осуществляется "где-то там" - в сферах зарубежных и международных. Но эта посылка несостоятельна. Без разработки вопросов теоретического характера не существует национальной социологии. Отдельные замечания по вопросам теории, разбросанные тут и там, не спасают дела. В связи с этим выпадают из поля зрения темы, разработанные в российской социологии как в советский, так и в постсоветский периоды. Укажу лишь на несколько проблемно-теоретических узлов, разрабатывавшихся российскими социологами. Это — и информационно-коммуникативная концепция общества (Ю.А. Левада, Б.А. Грушин), и варианты системных подходов (Н.И. Лапин и его группа), которые отчасти упоминаются в главах 10 и 11, и восприятие комплекса структурно-функционалистских идей в советской социологии (Ю.А. Левада, А.Г. Здравомыслов), и преломление веберовских и неомарксистских идей в отечественной литературе (Ю.Н. Давыдов), и проблемы восприятия социальной реальности сквозь призму различных вариантов социального (в том числе и художественного) мышления (В.Н. Шубкин, а также полемика между М.Н. Руткевичем и В.А. Ядовым по поводу монизма и плюрализма в социологии), и оригинальная разработка комплекса мотивационно-динамических категорий (ценности, потребности, интересы), и обращение к социологии конфликта как теоретическому обоснованию понимания природы российского кризиса. Даже теоретическая конструкция, предложенная в свое время В.А. Ядовым, - диспозиционная концепция саморегуляции социального поведения личности - оказалась скорее лишь упомянутой (с. 384—385), нежели раскрытой с необходимой в данном случае полнотой. Важно было бы выявить и реальное содержание постоянно воспроизводившихся дискуссий о границах социологии, связанных не только

с идеологической борьбой по поводу социологии, но и с расширением самого предмета социологического знания в ходе взаимодействия с другими дисциплинами. Тем более, что процесс взаимодействия социологии со смежными дисциплинами оказался проработанным достаточно подробно в главах о социальной психологии (Г.М. Андреева), о демографических процессах (Л.Л. Рыбаковский), о социологии политики (В.Н. Амелин и А.А. Дегтярев). И все же вне общего теоретического контекста российская социология выступает как совокупность отраслевых направлений, где приобретают определенное значение специальные социологические теории, достаточно интересно изложенные в подавляющем большинстве глав. Особенно удачны в этом отношении главы о социологии девиантного поведения и социального контроля (гл. 29, Я.И. Гишинский), об изучении демографических процессов и детерминации рождаемости (гл. 20, О.Д. Захарова), о социологии организаций (гл. 11, В.В. Щербина).

На мой взгляд, второй серьезный недостаток данного труда состоит в том, что переломные моменты в развитии российской социологии остались недостаточно осмысленными.

Во-первых, позиция редактора по поводу дискуссии о перерыве или преемственности в судьбах российской социологии ["Парадоксально, но и Г.С. Батыгин, и Б.А. Грушин вместе с В.Н. Шубкиным правы" (с. 8)] представляется мне недостаточно аргументированной. Скорее всего здесь речь должна идти не столько о парадоксальности (которую мы так полюбили за последнее время), сколько о разных пониманиях того, что есть социология.

Во-вторых, что представлял собою кризис социологии начала 70-х годов? Теперь, благодаря усилиям группы Г.С. Батыгина, можно ознакомиться с различными точками зрения на события двадцатилетней и тридцатилетней давности, но и в рассматриваемой публикации необходимо было найти место для сжатой характеристики этого переломного момента.

В-третьих, в чем причины нынешнего раскола академической социологии, произошедшего на наших глазах и в какой-то мере при нашем же участии? В чем его внутренний смысл? Может быть это и не раскол вовсе, а лишь внутренняя дифференциация, связанная с усложнением предмета исследования и с необходимостью сохранения разных подходов при осмыслении новой социальной реальности? А может быть мы наблюдаем здесь еще один парадокс - дифференциацию, характеризующуюся выходом одной из сторон за пределы собственно социологического поля?

Все это вопросы - кардинальные. Но о них авторы почему-то не задумывались. Можно было бы сказать резче: это те вопросы, которые намеренно вытесняются из сознания, которые пока еще не рационализированы, не осмыслены. Но без них нет движения вперед.

Третье замечание касается методологии данного труда. В нем явно преобладают библиографическо-описательный метод и стремление перечислить если не все, то как можно больше. Ряд глав (2, 3, 4, 9, 12) с трудом выходят за рамки библиографических обзоров. Другой метод - более сложный и трудоемкий состоял бы в использовании проблемно-теоретического подхода. Для этого нужно было бы самим авторам многое перечестать заново. В этом случае нужно было бы основной упор сделать на монографиях, показать теоретическое своеобразие каждого автора на разных этапах его творчества, разъяснить смысл той или иной книги с учетом политического контекста, выявить реальные прорывы в социологическом знании.

Как мне представляется, глава о социологии села показывает, как это можно было бы сделать. Р.В. Рывкина дает емкую характеристику основных исследований в этой области, показывает их замысел и содержательный итог, находит место для характеристики инструментария, а главное, не боится назвать полученный результат своего рода открытием. В сжатой форме автор успевает сказать и о замысле исследований, и о программе, и об использованных методах сбора информации. Но главное внимание сосредоточено на выявлении смысла открытий, являющихся

результатом соответствующих исследований, то есть на изложении того нового, что именно в тот период оказалось значимым для понимания исследуемых проблем.

Так, характеризуя одно из главных направлений исследований села в 60-е-80-е годы, - изучение социальной структуры сельского населения - Р.В. Рывкина пишет: "В рамках этого направления было сделано **научное открытие** (подчеркнуто мною. - **А.З.**), касающееся природы послевоенного советского общества. На данных переписи 1959 года Ю.В. Арутюнян эмпирически доказал, что внутриклассовые различия между разными профессиональными группами работников сельского хозяйства - глубже, сильнее, чем межклассовые, то есть различия между рабочими и колхозным крестьянством" (с. 163-164). Автор подчеркивает фундаментальность этого вывода, поскольку он вступал в противоречие с одной из наиболее важных доктрин официальной идеологии. Вместе с тем, она отмечает новаторский характер социологического исследования, сопоставляя его с массивом литературы по этой проблематике, в котором на тысячи ладов пережевывалась именно идеологическая установка.

С сожалением приходится констатировать, что в иных главах редко встречаются ориентация на изложение собственно исследовательской практики с заходом даже в область методической "кухни" и столь однозначные оценки работы своих коллег.

Дальнейшее осмысление судеб социологии в России требует определенного синтеза достигнутого уровня теоретического знания, более явной и отчетливой позиции при характеристике переломных этапов в развитии науки и преодоления библиографического этапа в ее анализе. Необходим переход к проблемно-содержательному анализу, который, естественно, должен опираться и на работу, уже сделанную для настоящего издания, ибо к каждой главе подготовлен и опубликован обширный список литературы.

Об этапах развития российской социологии

После этих общих замечаний можно было бы рассмотреть содержание каждой из глав, но вряд ли это целесообразно. Прежде всего по той причине, что специализация в отечественной социологии, как показывает содержание рассматриваемого труда, достигла таких масштабов, что поневоле можешь оказаться в положении дилетанта. Кроме того, В.А. Ядов уже дал характеристику каждой из глав в соответствующем разделе своего Предисловия - "Композиция книги и рефлексии редактора". Что касается рефлексий, то они особенно важны и к некоторым из них я еще вернусь.

Я попытаюсь высказать свои соображения en gros, касающиеся того, в какой мере в книге в целом оказалась реализованной предложенная выше хронологическо-историческая схема развития отечественной социологии. При этом я попытаюсь проследить, в какой мере наиболее важные исследования и проекты соответствующих периодов оказались представленными читателю.

Дореволюционный период представлен в массе отдельных направлений и имен, но никак не систематизирован. Неясно, с чего же начинается социология в России. С повести И.С. Тургенева "Отцы и дети" (с. 25), работы Н.Я. Данилевского "Россия и Европа" (там же), с переводов работ О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса или с комментарий к этим работам, данных Н.К. Михайловским (с. 26), а, может быть, с оригинальных работ мыслителей национального масштаба (например, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского)? Похоже, что авторы (точнее говорить, может быть, о редакции, так как единого авторского коллектива не существовало) не смогли определить свой выбор в этом принципиальном вопросе. Ведь первый выбор в предложенной альтернативе означает, что социология представляет собою науку важную, но все же в некотором смысле гостью на российской почве, в то время как второй - указывает на ее реальные исторические корни на этой земле! К сожалению, при изложении материалов этого периода, разбросанного по многим главам, не произошло отделение действительно важного для развития социологической мысли в России от неважного. А

главное, авторы не обратили внимания на своеобразие обсуждения социальных проблем развития страны, общества и народа, сформировавшееся в русской культуре, публицистике, художественной литературе. Вопрос о соотношении социального мышления и собственно социологии как дисциплины остался без рассмотрения!

Близко к существу дела при обсуждении этих вопросов подходит лишь 10 глава книги, посвященная социологии труда и производства (А.И. Кравченко). Здесь имеется небольшой раздел "Предыстория дисциплины" (с. 212-215), в котором - наконец-то! - излагается суть "великого русского спора" относительно содержания и перспектив российских общественных отношений. В этом споре, подчеркивает Кравченко, участвовали все выдающиеся русские мыслители прошлого столетия, а известный труд В.И. Ленина "Развитие капитализма в России" был своего рода вызовом русской науке о поземельной общине, насчитывавшей к тому времени не менее 4000 публикаций. Очень жаль, что вопрос о великом русском споре оказался оторванным от вопроса о возникновении социологии в России и не получил должного освещения в начальных главах книги. Если бы это было сделано, то и вопрос о преемственности в российской социологии оказался бы гораздо ближе не только к постановке, но и к решению.

В заслугу авторам нужно поставить то, что в ряде направлений социологии найдены новые имена. Так, в главе 26 (В.Н. Амелин и А.А. Дегтярев) показано, что первым собственно политико-социологическим произведением в России была работа А.И. Стронина "Политика как наука" (1872 г.). А в главе о методах и методологии (О.М. Маслова) можно познакомиться с классификацией методов исследования, предложенной одним из первых преподавателей социологии Психоневрологического института К.М. Тахтаревым (с. 73-74).

Я хочу сказать, что роль М.М. Ковалевского - первого российского профессионального социолога европейского масштаба, современника Э. Дюркгейма и М. Вебера - оказалась приниженой. А ведь в отечественной литературе уже немало сделано для того, чтобы обрисовать эту роль. Достаточно вспомнить работы И.А. Голосенко.

20-е и 30-е годы

Сразу же после революции в российской социологии сохраняется "методологический и теоретический плюрализм". Однако доминирующая роль принадлежит марксистскому направлению, которое утверждает свою монополию на "истинное знание" об обществе осенью 1922 г. Следовательно, этот пятилетний период имеет особое значение в качестве индикатора многообразия способов постановки и обсуждения социальных проблем российского общества, осмысливаемых в рамках социалистических теорий. Решающее значение приобретают к концу этого периода работы Н.И. Бухарина, в особенности его книга "Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии". Книга Бухарина упоминается несколько раз, но ни в одном из этих случаев содержание ее не раскрывается.

К изменению конфигурации социологического пространства в эти годы прямое отношение имеет критика П. А. Сорокиным этой работы и ответная критика публикаций самого Сорокина со стороны Ленина. Этот эпизод теоретической и политической дискуссии нуждается в более внятном изложении. Кстати, весьма удачно и точно, на мой взгляд, изложена полемика внутри партийного руководства 20-х годов по поводу социологии (Г.С. Батыгин, гл. 1, с. 27-29).

К проблемам при освещении этого периода относится отсутствие комментариев двух важных работ. Книга С.А. Оранского "Основные вопросы марксистской социологии" (1929 г.) — лишь упомянута (с. 30 и 52), равно как и одно из лучших эмпирических исследований отечественной социологии Е.О. Кабо "Очерки рабочего быта" (1928 г.) (с. 477).

Вряд ли эти пропуски могут быть случайностью. Скорее всего, они результат того,

что авторы не проработали для себя вопрос о критериях оценки - о том, что важно и что не важно для истории отечественной социологии.

Преемственность или разрывы?

Об этом свидетельствует, в частности, весьма существенное расхождение в позициях авторов при анализе проблемы преемственности в российской социологии. Проблема эта поставлена Г.С. Батыгиным в названии первой главы "Преемственность в развитии социологической традиции". "Наша задача, - пишет автор, - показать непрерывность российской социологической традиции, никогда не замыкавшейся в рамках академической доктрины" (с. 24). Обращаю внимание читателя на способ постановки самой задачи: она формулируется не в терминах обсуждения спорной проблемы, которая может иметь разные решения при различных исходных предположениях. Автор понимает "непрерывность и преемственность" как нечто само собою разумеющееся, которое понятно ему самому, и что требует лишь внятного разъяснения. Однако свидетельства, представленные в дальнейшем содержании книги, мягко говоря, не подтверждают этот оригинальный постулат. Почти во всех отраслевых главах говорится о "нарушении преемственности" (с. 46), о перерыве в развитии социальной урбанистики почти на 30 лет (с. 151), о прекращении конкретных исследований села с середины 30-х годов (с. 162-163), о репрессиях по отношению к тем, кто занимался социологией труда и производства и обусловленным этим разрывом поколений в данной области социологического знания (с. 218), о прекращении существования социологии образования в качестве позитивной науки на долгий период (с. 266), об аналогичных процессах в области социологии религии, демографии, запрещении эмпирических исследований советской политики, прекращении изучения различных форм отклоняющегося поведения и динамики общественного мнения (См.: с.с. 311, 329, 398, 420, 520, 572, 594).

Однако аргументы Г.С. Батыгина никак не связаны с анализом этого ряда фактов. Он полагает, что поскольку сталинский репрессивный режим опирался на монополизированную и догматизированную версию марксистской социологии, постольку социологическая мысль продолжала воспроизводить и даже развивать традицию. Его героями на этом поприще оказываются Г.Ф. Александров, М.П. Баскин, М.Т. Иовчук, В.С. Кружков и некоторые иные представители высшего звена советского обществоведения (с. 31). Благодаря такому кульбиту то, что называлось социологией в 60-е годы, полностью меняет свое содержание. Г.С. Батыгин воспроизводит точку зрения отождествления исторического материализма с социологией - то есть, позицию, против которой выступали социологи 60-х годов. В 60-е годы социологом считал себя тот, кто собирал эмпирический материал и так или иначе интерпретировал полученные данные. Социология рассматривалась тогда как эмпирическая дисциплина.

К этому вопросу я еще вернусь. Сейчас же продолжу предложенный нам исторический дискурс.

60-е годы

Этот период оказался представленным подробно: подавляющее большинство авторов имеет прямое отношение к данному периоду. Остановлюсь на том, как характеризуются наиболее важные работы этого периода в рецензируемом издании.

Одна из первых работ в области социологической теории несомненно книга Ю.А. Левады "Социальная природа религии" (1965 г.). В.И. Гараджа пишет о ней в контексте задач анализа социологии религии. Он отмечает несомненный марксистский характер этой работы, рассматривая ее в связи с поисками определенной частью советской научной интеллигенции "социализма с человеческим лицом", опирающегося на аутентичный марксизм (с. 312-315). Смысл данной работы состоял в том, чтобы выявить институциональную природу религии как идеологического феномена, нахо-

дещагося на пересечении семиотической и коммуникативной подсистем, и на этой основе подойти к проблемам социологического анализа социальных институтов и механизмов социальной регуляции.

Вторая работа - монография "Человек и его работа" (1967 г.). В главе А.И. Кравченко и В.В. Щербины сказано об этой работе немало похвальных слов (с. 220-221), но никто не объяснил, почему эта книга на долгое время осталась своего рода эталоном советской социологии и вошла в список книг XX столетия, составленный МСА. Эта коллективная монография упоминается и в других разделах книги с весьма высокими оценками (напр., с. 37). Однако читатель вправе узнать, чем же объясняются эти оценки?

С моей точки зрения - позиции соруководителя лаборатории социологических исследований ЛГУ и соавтора, - успех этой работы объясняется прежде всего достаточно фундаментальной проработкой вопроса о соотношении объективных моментов трудовой деятельности молодого рабочего - обстоятельств и результатов (эффективности) работы - и субъективных составляющих отношения к труду, фиксируемых на контролируемой шкале удовлетворенности-неудовлетворенности работой. Благодаря тщательности проработки этих вопросов, хорошей организации исследовательского процесса (в том числе и участием руководителей лаборатории в полевых работах), энтузиазму самих исследователей, в ходе работы и в ее результатах был сформулирован ряд открытий, в том именно смысле, о котором говорила Т.В. Рывкина в разделе о социологии села. Я бы остановился в данном случае на операционализации самого понятия отношения к труду как отношения к работе, профессии и труду как ценности, на взаимоотношении факторов, находящихся за пределами сознания работника, и рациональных мотивов трудового поведения.

Важно то, что монография стала источником продолжающейся до сих пор дискуссии по поводу сравнительной значимости мотивов удовлетворенности работой: содержание труда или заработок - на самом деле в книге проведена мысль о разнокачественной природе этих факторов, что и составляет одно из важнейших открытий в этой книге, равно как и выделение ценностного аспекта трудовой деятельности. Впервые было обнаружено, что значительный слой работников социалистического предприятия (около 20%) открыто заявляют о неудовлетворенности работой. Были получены данные, позволяющие скорректировать исходную гипотезу проекта (о нарастающей удовлетворенности трудом в зависимости от его сложности и технической оснащенности (характера), а именно: данные о специфическом характере трудовой мотивации в группах, различающихся по характеру и содержанию труда. Наконец, была получена структура мотивов трудовой деятельности работников промышленности, развитая впоследствии в теорию трудовой мотивации. Можно было бы охарактеризовать и ряд иных открытий. Важно, чтобы авторы, пишущие по соответствующим сюжетам, использовали тексты соответствующих публикаций, а не сконструированную ими схему общей оценки исследования. Думаю, что исследование отношения к труду стало важным стимулом изучения мотивов и установок трудовой деятельности в среде инженерно-технических работников, впоследствии осуществленное под руководством В.А. Ядова. Оно же стало стимулом и новой программы "Человек после работы", осуществленной Л.А. Гордоном и Э.В. Клоповым.

Что касается влияния Ф. Херцберга, имя которого в книге упоминается несколько раз, то знакомство исследовательского коллектива лаборатории с этим ученым состоялось уже на завершающем этапе и поэтому наша работа никак не могла претендовать на эмпирическую проверку его теории, хотя, разумеется, при публикации была учтена и его конструкция факторов трудовой деятельности.

На третье место по значимости для социологов 60-х годов я бы поставил дискуссию о классовой структуре советского общества и выдвижение тезиса о первостепенной роли внутрикласовых различий. К этому сюжету авторы книги возвращаются неоднократно. В главе 4 (З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян) подчеркивается значение Минской конференции "Изменения социальной структуры советского общества"

(январь 1966 г.) для отхода от догматической трехчленки в понимании этой структуры, в главе 7 (Р.В. Рыбкина), как уже было сказано выше, подчеркнута роль исследований в области сельской социологии для выработки новых подходов в этой области и в особенности роль Ю.В. Арутюняна. Но, как мне представляется, неадекватно оценена роль О.И. Шкаратана, который все же первым предложил стратифицированную характеристику состава советского рабочего класса, основанную на учете всех хорошо известных признаков классового положения. Кроме того, большое влияние на разработки советских социологов этого периода оказали работы наших польских коллег, в частности работа В. Весоловского "Классы, слои, власть", изданная на русском языке в 1981 г.

Таганрогский проект (1968-1994 гг.) достаточно подробно охарактеризован одним из его организаторов и вдохновителей Н.М. Римашевской (с. 477-480). Это был уникальный проект исследования различных аспектов жизни населения типичного среднерусского города (проект курировался Отделом пропаганды ЦК КПСС). Он состоял из ряда подпроектов. Сама Н.М. Римашевская руководила исследованием потребительского бюджета семьи, и ей впервые удалось разработать методику и оценить объем нетрудовых доходов. Б.А. Грушин организовал исследование информационных потоков в типичном российском городе. К сожалению, его книга "Массовая информация в советском промышленном городе" (1980 г.) не получила адекватной оценки на страницах рецензируемой работы. Л.А. Гордон и Э.В. Клопов сосредоточились на проблематике досуга, свободного времени и проблемах качества жизни. На основе этого исследования была опубликована монография этих авторов "Человек после работы" (1972 г.).

Из продолжающихся проектов 60-х годов наиболее обстоятельное освещение получил исследовательский проект В.Д. Патрушева (См.: гл. 23, с. 452-473). В отличие от других проектов в качестве приложения к главе приводятся элементы методики сбора материала.

Одно из фундаментальных направлений социологии 60-х годов состояло в разработке проблем экономической социологии. Это направление было представлено Т.И. Заславской и Р.В. Рыбкиной. В рецензируемой книге есть 12 глава (В.В. Радаев), посвященная этому направлению в социологии, где работа авторов "Социология экономической жизни" (1991 г.) удостоена упоминания (с. 255).

Некоторые из глав книги хороши тем, что в них предпринята попытка обозначить не только проекты и монографии, но и сообщества ученых, двигавшихся в одном направлении. С этой точки зрения наиболее дифференцированной областью социологии оказалась — по крайней мере в контексте данной монографии — социология молодежи. В.В. Семенова (гл. 5) выделяет в рамках направления ряд школ: школа В.Н. Шубкина [Новосибирск, с выходом на международное исследование] (с. 136-137), школа Ф.Р. Филиппова и М.Н. Руткевича [Свердловск] (с. 137-138), школа лонгитюдных исследований М.Х. Титмы [Эстония с выходом на общесоюзное исследование] (с. 138-139), ленинградская школа В.Т. Лисовского (с. 140). Фигура И.С. Кона в социологии молодежи выделяется особо, т.к. его деятельность в этой области справедливо приравнивается к целой школе. В социологии организаций (В.В. Щербина) прослеживаются школы Н.И. Лапина и А.И. Пригожина (с. 244—246), в социологии науки (В.Ж. Келле, Р.-Л. Винклер) сложились школы - киевская Г.М. Доброва, московская А.А. Зворыкина, ленинградская, связанная с именами С.А. Кугеля, Ю.С. Мелещенко и др. (с. 289-292). В главе о социологии семьи (А.А. Клецин) дана подробная характеристика вклада в эту область исследований А.Г. Харчева (с. 425—427) и С.И. Голода (с. 427-28).

Рассматривая эти проекты в их совокупности, невольно приходишь к мысли, что именно в 60-е годы был создан мощный задел для дальнейшего развития социологии в России в 70-е и 80-е годы, что поворот в сторону прикладной социологии, осуществленный в начале 70-х, оказался направленным на физическое расширение поля влияния социологии, что в 60-е годы теоретическая мысль советских социологов

подошла к пределу дозволенного, к тем ограничениям, которые накладывались на теоретическое мышление политикой, системой власти, особенностями государственно-политического устройства.

90-е годы

Если судить по рецензируемой книге, то и 90-е годы для социологии не оказались временем нового расцвета. Такие направления, как, например, социология труда и производства вступили в кризисное состояние (А.И. Кравченко, с. 232-235). Другие "вспыхнули" на волне демократизации и перестройки ярким светом, а затем почти угасли (с. 562). Авторы справедливо отмечают возрастание интереса к предмету исследования в зависимости от состояния соответствующей проблемной сферы: активизация общественных движений приводит к возникновению нового исследовательского направления, спад социальной активности сопровождается резким снижением интереса к обозначенной проблематике. Но не во всех областях знания наблюдается этот процесс в 90-е годы. Устойчивые стимулы развития получили социология политики и изучение общественного мнения [соответственно главы 26 (В.Н. Амелин и А.А. Дегтярев) и 28 (В.А. Мансуров и Е.С. Петренко)]. В них мы находим богатый материал, характеризующий эти направления социологии. Дается достаточно полная характеристика соответствующих проектов, вводятся новые имена (Ю.Л. Качанов, И.М. Клямкин, М.К. Горшков, Г.А. Сатаров), подробно характеризуются результаты исследований.

И все же общий баланс за 90-е годы подвести весьма сложно. Да, социология получила признание, опросы общественного мнения стали важнейшим инструментом политической борьбы и своего рода демократическим ресурсом общества. Да, социология включена теперь в систему высшего образования в России. Да, журналов и публикаций стало больше! Но насколько вырос коэффициент общественного воздействия социологической мысли? Где тот круг социологических идей, который "востребован" социальной практикой? Эти вопросы задают многие. Особенно остро их ставит Р.В. Рывкина в "Социологическом журнале" (1997, № 4).

Мне представляется все же, что изложение социологической проблематики 90-х годов оказалось гораздо беднее, чем рассказ о предыдущих периодах. За пределами книги остались целый ряд интереснейших проектов, выполняемых в ИС РАН, не говоря уже об иных институтах. Читатель остался в неведении о работах таких серьезных исследователей, как П.М. Козырева, Н.Е. Тихонова, Н.Н. Козлова, В.В. Волков, Н.Е. Покровский. Это тем более вызывает сожаление, что данные исследователи внесли вклад в социологическое осмысление российского кризиса.

Что касается "востребованности", то стоит задуматься над тем, что социологические исследования, проводимые в настоящее время, это работа, направленная на создание интеллектуального и культурного ресурса самого общества, который может быть включен в практику самым неожиданным образом. Важно научиться ценить этот ресурс. Наиболее эффективное и нормальное использование такого ресурса осуществляется теперь через систему высшего социологического образования, которое осталось не проанализированным в настоящей работе.

Еще раз о преемственности

В заключение позвольте еще раз возвратиться к вопросу о преемственности и отторжении прошлого в российской социологии.

В чем состоит сама идея преемственности? Не в том ли, что социология в любой стране представляет собою часть ее национальной культуры? Кажется, это и имеет в виду Г.С. Батыгин, когда он обращается к образу Базарова для объяснения истоков российской социологии. Мне этот пример не кажется удачным. Все-таки это художественная литература, а не осмысление общества в адекватных ему самому тер-

минах. Гораздо более серьезно было бы согласиться с точкой зрения, что социология в России начинается не с Конта и Михайловского, а с А.И. Герцена. Хотя бы потому, что социология, на мой взгляд, - сугубо светское мероприятие: она стремится понять общество как *causa sui*.

Замечу вместе с тем, что у Г.С. Батыгина причудливо переплетаются совершенно разные стили и уровни социального мышления. Базаровский нигилизм, изображенный И.С. Тургеневым ("Отцы и дети"), вдруг сменяется идеей религиозно-мистической избранности России и славянофильством, за ними без всяких дальнейших обоснований возникает российское неокантианство и здесь же рефлексология В.М. Бехтерева (с. 25-26). Перечень имен и перескакивание от одного названия к другому вряд ли может способствовать усвоению идеи преемственности российской социологической традиции, становление которой связывается автором с весьма специфическим перечнем приведенных выше имен. Непонятно прежде всего, о чем же идет речь? О светском мировоззрении, возникшем на почве обсуждения перспектив развития России? Российская социология, утверждает Г.С. Батыгин, "стала своеобразной рационализацией нигилизма, изначально посвятив себя критике несовершенного устройства общества и поиску социального идеала" (с. 25). Странное суждение! В нем слишком много недоговоренностей, порождаемых прежде всего тем, что автор сумел обойти молчанием центральный вопрос - тот самый, на который указал А.И. Кравченко, вопрос о путях развития России. По-видимому, поэтому властители дум демократического крыла российской интеллигенции прошлого века здесь даже не упомянуты - Герцен, Добролюбов, Чернышевский - да о таких и знать не знали, и слухом не слыхали! А может быть именно они - с точки зрения автора - и представляют собой "рационализацию нигилизма", а может быть они-то и есть идеологи нечаявщины (которая некоторыми историками России изображается чуть ли не прямым источником сталинского репрессивного режима)? Такой взгляд уже был высказан в многотомной серии статей, опубликованных А.С. Ципко в "Науке и жизни" (1989-1990 гг.). Во всяком случае, тезис о преемственности нигилизма и российской социологии, декларируемой Г.С. Батыгиным, звучит крайне неубедительно.

Совсем иное дело, когда автор пишет о марксизме. Здесь, конечно, чувствуется неподдельная любовь к "идее-монстру", обладавшему "неповторимым внутренним очарованием" (с. 25). Примечательны и "поэтика революционного подвижничества, равно как и страдание от невозможности высказать себя до конца", свойственные... историческому материализму! (с. 29). (Здесь так и хочется вставить "Друг Аркадий, не говори красиво!"). Однако слово сказано и из него мы узнаем, что исторический материализм мог любить и ненавидеть! (с. 29). Оставим это на совести автора и приведем иное его высказывание, которое вызывает наше согласие и даже известное восхищение его мужеством. "Требуется сделать все возможное, чтобы будущие поколения могли аргументированно, без предубеждений оценивать семидесятилетний период господства советского марксизма и не смотреть на него как на время тотального мрака и лжи, которое надо поскорее вычеркнуть из исторической памяти. Если не осуществить рациональную историческую реконструкцию изнутри, люди, которым довелось жить и работать в это время, будут казаться либо бессовестными приспособленцами, либо угнетенными умниками с фигой в кармане", - подчеркивает Г.С. Батыгин (с. 24). Значимость рецензируемой коллективной монографии определяется стремлением выйти за пределы тоталитаристского (тупиковского) способа мышления и возвращением к анализу реалий идеологической и научной жизни.

Такая позиция дает более основательное понимание не только стартовой ситуации возрождения социологии в начале 60-х годов, но и того, что происходит с социологией в наши дни. Мне кажется, что наиболее интересные работы, написанные в 90-е годы, дадут возможность разобраться в природе российского кризиса, в том, каким образом этот кризис проявляется в дифференциации личностных типов, и какие же из этих типов утверждают в своей практической деятельности перспективы динамичной стабилизации российского общества.